

Основываясь на картографическом анализе территориального распространения комплексов ткачества татар Поволжья и Приуралья, Ф.Ш. Сафина выделяет три крупных этнокультурных ареала: Центральный, Западный и Восточный. Они легко читаются на карте № 10, хотя специально не обозначены. Западный этнокультурный ареал, включающий территорию проживания татар-мишарей (Пензенская, Саратовская, Рязанская, Тамбовская, Нижегородская, часть Симбирской губ.) с географической точки зрения целесообразнее было бы назвать Юго-Западным, так как он охватывает Центральный ареал с запада и юга, смыкаясь на юго-востоке с Восточным этнокультурным ареалом.

Работа снабжена ценным приложением из цветных иллюстраций (63 с.), отражающих все разнообразие тканых изделий, характеризующихся в монографии. Показаны образцы пестряди, изделия из нее, многообразие декоративных тканей. Богато представлены варианты браного и закладного орнамента, цветовых и композиционных решений. К сожалению, в тексте отсутствуют ссылки на приложение, что несколько снижает его значимость.

Работа оформлена с большим вкусом, что является заслугой создателя макета и оформления художника Д.Н. Залыетдинова и автора иллюстраций художника А.А. Мазанова.

В целом монография Ф.Ш. Сафиной представляет собой значительный вклад в изучение культуры и быта татарского народа. Ее по праву можно назвать энциклопедией традиционного татарского ткачества, в которой сведены воедино и систематизированы многообразные разрозненные материалы, касающиеся этой сферы жизни народа. Работа имеет также большую практическую значимость. Она станет настольной книгой для работников музеев, краеведов, специалистов по декоративно-прикладному искусству, мастеров народных художественных промыслов и других категорий читателей, интересующихся культурой и бытом народов Волго-Уральского региона.

Примечания

¹ *Исхаков Д.М.* Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в конце XVIII–XIX в. // *СЭ.* 1980. № 4. С. 35.

² *Чеснов Я.В.* О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // *Проблемы типологии в этнографии.* М., 1979. С. 89.

³ *Воробьев Н.И.* Казанские татары. Казань, 1953. С. 117.

⁴ *Зорин Н.В., Токсубаева Л.С.* Обрядовые функции орнаментированных полотенец у русского населения Среднего Поволжья // *Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья.* Йошкар-Ола, 1987.

⁵ *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество восточных славян // *Восточнославянский этнографический сборник.* М., 1956. С. 530.

Л.С. Токсубаева

© 1999 г., ЭО, № 2

Leonid Pavlovič Potapovs Materialien zur Kulturgeschichte der Usbeken aus den Jahren 1928–1930 // *Turcologica.* Bd. 25. Wiesbaden, 1995. 248 S.

Интересна история создания этой книги. Летом 1924 г. с рекомендательным письмом к С.Ф. Ольденбургу и Л.Я. Штернбергу в Ленинград из далекого алтайского города Барнаула приехал молодой человек. Известный сибирский этнограф А.В. Анохин представлял его магистром ученым как пытливого юношу и рекомендовал к поступлению на Этнографическое отделение Географического института. Так Леонид Потапов стал студентом и продолжил свой путь в науке. Его научные интересы проявились еще в гимназические годы. Кстати, учился он в той самой гимназии, где в 60-е годы прошлого века преподавал недавно приехавший из Германии и ставший российским подданным будущий выдающийся тюрколог и академик В.В. Радлов. Первоначально Леня Потапов мечтал стать ботаником и увлеченно собирал гербарии. Научные интересы его укрепились, приняв новое направление в первой советской трудовой школе г. Барнаула, где в 1921 г. он познакомился с известным краеведом, этнографом и музыкантом

А.В. Анохиным, работал в руководимом им кружке по алтаеведению. А.В. Анохин имел тесные связи с учеными Петербурга-Петрограда, с Музеем антропологии и этнографии, для которого собрал ценнейшие коллекции по алтайскому шаманизму. В 1922 г. А.В. Анохин возглавил экспедицию Академии наук по изучению быта и культуры народов Алтая, в ней в качестве практиканта принял участие и Л. Потапов. Это окончательно и бесповоротно определило его выбор: он будет этнографом. Сильное влияние на юношу произвела сцена настоящего шаманского камлания. Свои впечатления он изложил в статье, напечатанной в местном журнале «Алтайский кооператор». И вот, с осени 1924 г. Л. Потапов – студент Этнографического факультета Географического института, через год преобразованного в Географический факультет Ленинградского государственного университета. Здесь среди его учителей были этнографы Л.Я. Штернберг, В.Г. Богораз, Д.К. Зеленин, В.Г. Кагаров, Н.В. Кюнер, И.Н. Винников, антропологи С.И. Руденко, Р.П. Митусова, тюркологи А.Н. Самойлович, С.Е. Малов и другие выдающиеся и начинающие ученые. Студент Потапов владел таким уникальным, лично им собранным полевым этнографическим материалом, что ему, второкурснику, было сделано лестное предложение выступить с сообщением об охотничьем промысле у алтайцев на заседании знаменитого Радловского кружка, работу которого с 1919 г. бесценно возглавлял один из корифеев отечественного востоковедения акад. В.В. Бартольд. Этой же теме был посвящен и диплом выпускника университета этнографа Л.П. Потапова. После окончания высшего учебного заведения он страстно хотел поехать работать на любимый, родной Алтай, но его по распределению направили в Узбекистан.

Осенью 1926 г. Л.П. Потапов прибыл в Самарканд – первую столицу Советского Узбекистана – и был назначен на должность заведующего Отделом научных учреждений Главнауки Народного Комиссариата просвещения Узбекской ССР. Под его руководством находилось 19 научных учреждений самого разного профиля: Ташкентская публичная библиотека, Широкая станция, Мавзолей Тимура, Среднеазиатский Комитет по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы... Вскоре вне Главнауки был создан самостоятельный Узбекский государственный научно-исследовательский институт. Во главе его стоял Гази Алим Юнусов, в свое время получивший образование в Каире, «человек глубокий, с научным чутьем», по отзыву Л.П. Потапова. Постепенно стал формироваться научный коллектив института: здесь работали языковед Е.Д. Поливанов, этнограф В.И. Анучин, фольклорист Хади Зарифов и др. Сюда как этнограф перешел и Л.П. Потапов. Институт посещали крупные представители советской науки: А.Н. Самойлович, Л.В. Щерба, Е.Э. Бертельс и др. Общение с ними приносило много пользы ученым молодого научного центра.

Оказавшись в Узбекистане сначала преимущественно на административной научно-организационной работе, не имея возможности продолжать исследовательскую деятельность по алтайской этнографии и понимая необходимость использовать благоприятные условия для занятий среднеазиатской тюркской этнографией, Л.П. Потапов по совету выдающегося библиографа Е.К. Бетгера, в то время заместителя директора по научной работе Ташкентской публичной библиотеки, начал работать с местной прессой, отыскивая там ценные, порой уникальные этнографические сведения и перенося их на карточки. Им были обработаны не только некоторые центральные («Живая старина», Сборники МАЭ, «Известия Общества истории, археологии и этнографии при Императорском Казанском университете» и др.), но и редчайшие местные («Киргизская степная газета» (Омск), «Оренбургский листок» и «Тургайская газета» (Оренбург), Туркестанские ведомости» (Ташкент) и др.) издания. Выписки делались по определенной тематике, которую можно было бы определить как «Народные верования в исламе у народов Средней Азии» или «Исламское влияние в традиционных народных верованиях тюркских народов». Карточки классифицировались по следующему разделам: похороны и поверья о покойнике; уранология; магия (производственная, контактная, отрицательная, временная, магические обереги, магия по сходству, магия контакта); слез; поверья об огне; бесплодие; запреты в пище роженице; роды и роженица; пуповина; выкидыш; магия борьбы с детской смертностью; слез ребенка и обереги; магическая охрана ребенка; магическое лечение детских болезней; народный календарь; животные; звери и домашние животные (медведь, поверья о волке, птицы, змея); деревья; охотничьи поверья; Средняя Азия; душа; лечение болезней; албасты. На тематическое выделение рубрик, по признанию самого Л.П. Потапова, несомненное влияние оказала классификация, разработанная известным этнологом и религиоведом Дж. Фрэйзером. Однако нельзя не признать, что рубрикация Л.П. Потапова носила чисто рабочий характер и в таком виде первоначально не предназначалась автором для печати. Поэтому в разделе «Магия» выделены две рубрики под одним и тем же названием «Магические обереги», но в этот раздел не вошли, а выделены как самостоятельные рубрики «Магическая охрана ребенка» и «Магическое лечение детских болезней». Разделены темы «Слез» и

«Сглаз ребенка и береги». Птицы помещены в рубрику под названием «Звери и домашние животные». Одни разделы включают всего две-три выписки, а другие – довольно значительное количество карточек. К числу последних относятся такие, как «Поверья о волке», «Лечение болезней», «Албасты». Благодаря изысканиям Л.П. Потапова можно узнать о деятельности таких среднеазиатских краеведов, как А. Жильцов, Ю. Казбеков, П. Комаров, Н.Л. Корженевский и других энтузиастов, печатавших свои наблюдения в местной прессе. Это важно для изучения истории развития этнографии в Средней Азии. Так, А. Жильцов в «Тургайской газете» (1895. № 7) в статье «Баксы» писал: «Бакса производит при лечении больных еще и другой способ, называемый кагу. При этом способе бакса берет из только что зарезанного барана или козла горячий гусак, только без печени, сажает больного на пол и начинает хлопать его этим гусакom сперва по большому месту, а затем по спине, в бока, грудь и ноги. При этом бакса обходит вокруг больного три раза, произнося какие-то заклинания и отплевывая каждый раз в сторону». П. Комаров в статье «Из поверий киргизов» («Самарканд». 1905. № 70) делится следующим наблюдением: «При перекочевках киргизы предпочитают сидеть на черных верблюдах-самцах (кара-буура), чтобы злые духи в пути не причинили вреда кочующим. Злые духи боятся черного цвета... Киргизы считают счастливым предзнаменованием увидеть из животных белую корову, белого верблюда, из птиц – белого петуха». Там же о другом: «Если яйцерица пробежит между ног женщины или мужчины или коснется голого тела, тот человек потеряет способность к супружеству». В статье «Из поверий ташкентских сартов» («Туркестанские ведомости». 1902. № 20) он сообщает об особом отношении местного населения к некоторым птицам, в частности к филину и сове: «Филина уху держат в доме с той целью, чтобы в дом не входили нечистые духи или воры. Филин сохраняет домохозяев, домочадцев и домашний скот от всех бед и несчастий... Перья совы нашиваются на головных уборах малолетних детей, в особенности мальчиков, так как обладают свойством оберегать их от дурного глаза».

По соответствующим рубрикам разнесены также сведения, полученные Л.П. Потаповым во время экспедиционных поездок по Узбекистану. Они особенно значительны в разделах «Поверья о волке» и «Албасты». Вот некоторые из них. Турки Самаркандского округа «волка не называют настоящим именем *bōgi*, а называют *jandar* (животное или *qaraqul*). Делают так для того, чтобы уберечь скот от нападения волков и не привлечь внимания волка... При употреблении этого имени, если волк и нападет на барана, то не может его съесть, так как челюсти у волка оказываются как бы связанными. Это наименование имеет магическое свойство». «Убивши волка, берут от него лапы, зубы, кости и т.п. и уносят к себе в жилище, где вешают в передний угол для охранения жилища от злой силы. Шкуру волка же несут к баю...» Катаганы из рода халбай того же округа «из зубов волка, как амулеты, берут клыки. Их носят с собой чаще в кармане, в кошельке или бумажнике (клык называют арш)». У них же «если в семье дети не живут и умирают в раннем возрасте, в таких семьях перед родами берут сушеную кожу с волчьей пасти, размачивают ее в воде и новорожденного ребенка пропускают через волчий рот – ребенок будет жить». Как свидетельствуют материалы Л.П. Потапова, этот обычай широко распространен у разных групп узбеков. В Хиве «албасты по имени не называют, а говорят *sağı eni* или *sađli eni*». Вспомним, что волка также запрещается называть своим именем. Складывается впечатление, что не употребляют имен тех, кого боятся и чьего присутствия не хотят, кого боятся привлечь произнесением подлинного имени или спугнуть. Последнее обстоятельство наблюдается на охоте, вернее, начиная уже с подготовки к ней. У хивинских узбеков проявляется, как зафиксировал Л.П. Потапов, двойственное отношение к албасты. С одной стороны, «верят, что во время трудных родов женщину мучает албасты, и поэтому поднимают шум, чтобы поугаать албасты», а с другой – «албасты помогает женщинам в том смысле, что женщина, увидев албасты, пугается ее и быстрее родит».

Порой на карточке исследователь не просто фиксирует тот или иной этнографический факт, а приводит здесь же сравнительный материал, чаще всего по хорошо знакомым ему алтайским тюркоязычным группам. Например, им записано одно поверье андижанских клпчакoв: «Если кто-нибудь обнаружил, что у него украли какую-нибудь вещь, он берет волчью жилу, кладет ее в огонь и читает молитву *азайм-хан'у* (sic!) 1 (аза, айза?) Вора начинает корчить, сводить, и он приносит украденные вещи. (Огонь как посредник и передатчик силы волчьего талисмана.) 1) Не выяснено, какой персонаж *азайм-хан* – мусульманский святой или нет, если да, то какова его характеристика. Нельзя ли в ней и его происхождении заметить связь с *айза* алт[айских] турков». Эта карточка по плотности информации скорее напоминает план будущего небольшого этнографического эссе.

За время работы в институте Л.П. Потапов трижды выезжал в экспедиции по Узбекистану. Летом 1929 г. состоялась первая большая двухмесячная верховая, с большим маршрутом поездка ученого преимущественно по Сурхандарьинской обл., в ходе которой он изучал материальную культуру узбеков-

кунград. Особенно подробно изучена им юрта: зафиксированы названия частей юрты, порядок ее установки, материал, размеры и внутренний вид. Юрту у кунград ставили женщины, мужчины допускались к работе только в случае нехватки женщин. Работа обычно начиналась утром с установки решеток (*кереге*). Потом ставили двери, причем их ориентировали по принципу «летом чтобы солнце не заходило, зимой чтобы ветер не заходил», т.е. не было определенной, как у других кочевников, ориентировки дверей. Опясаив для скрепления керече широкой лентой, в середине юрты поднимали круг (*сапагаз*) со вставленными в него сначала четырьмя палками перекрытия (*уук*), после чего вставляли остальные – в зависимости от размеров юрты их могло быть от 40 до 70 штук. И так подробно описаны все этапы строительства жилища. Сделаны записи об обуви, одежде, домашней утвари, пище (преимущественно молочной и мясной), о фитильном ружье с фиксацией его частей. Интересен анализ причин несоблюдения психических запретов. Как считает Л.П. Потапов, соблюдение их стоит, по-видимому, в связи с экономическим благополучием семьи. «Большинство этих запретов приходится на долю отношений между невесткой и старшей мужской родней мужа. Зажиточные семьи при женитьбе сына ставят ему особую (отдельную) юрту, в таком случае невестка довольно тщательно соблюдает эти запреты, так как имеет к этому возможность. Бедная семья, а таких теперь немало, не может поставить своему женившемуся сыну отдельную юрту, поэтому невестке приходится жить в одной юрте с родителями мужа, и здесь о соблюдении психических запретов говорить не приходится». Современному этнографу, анализирующему этническую ситуацию в определенных районах Средней Азии, будет интересна запись, сделанная Л.П. Потаповым 11 июля 1929 г.: «Весь день ехали. Дорога идет на юг, хребтами. Отчаянная жара. Ночевали у таджиков в кишлаке Турк. Таджики признались нам, что они называют себя турками-узбеками, чтобы легче жилось». Могу только подтвердить верность этого наблюдения, ибо встречался сам с аналогичной ситуацией неоднократно в 70-е годы в Самаркандской области.

Экспедиция 1929 г. проходила в сложных условиях. Приятно было участие в ней немецкого тюрколога К. Менгеса, беседы с ним касались тем не только узбекской, но и алтайской этнографии. Л.П. Потапову все время вспоминалась работа в привычной стихии на Алтае. Здесь же еще сказывались, особенно в первое время, некоторые трудности в общении с информаторами из-за недостаточного владения узбекским языком, а вследствие этого зависимость от переводивших ему Г.А. Юнусова и Х. Зарифова. Вспоминалось предложение В.Г. Богораз работать у долган на Севере. Но в конце концов Л.П. Потапов увлекся собиранием этнографического материала, особенно по своим любимым темам – традиционные народные верования, шаманизм.

Весной 1930 г. Л.П. Потапов совершил небольшую поездку в Ферганскую долину, посетил Андижан, где встретился с С.Е. Маловым и обсуждал с ним свою работу. Летом 1930 г. он принимал участие в большой экспедиции сотрудников института в Хорезм. Как лингвист в ней работал Е.Д. Поливанов. Л.П. Потапов в этот раз сосредоточился на изучении среднеазиатского аналога алтайского шаманизма. *Порханами* (так в Хиве называют шаманов) становятся обычные люди, почувствовавшие связь с джинами и действующие по их повелению. У каждого порхана имелись свои духи (джинны и пери), которых он призывает себе на помощь при лечении больного. При этом общаться с духами, вызывать их порхан научается самостоятельно, без чьей-либо помощи. В процессе сеанса порхан пользуется бубном, который можно даже купить на базаре, но тогда его нужно очистить огнем. По мнению некоторых порханов, «порханить надо было в закрытом помещении», при этом считалось необходимым натянуть занавес, на котором можно заметить тени духов: белых – мусульманских, черных – неверных. После смерти порхана его бубен сжигали на костре, предварительно разрезав ножом. Такой обычай был знаком Л.П. Потапову еще на Алтае: у шорцев и алтайцев также после смерти шамана его бубен прорезали. Особую ценность представляют песни порханов, записи и переводы которых производились при помощи Х. Зарифова. Во время работы с порханами Л.П. Потапову оказался весьма полезным его опыт изучения шаманизма у народов Алтая, начиная с умения записывать тексты. Сравнения приходили невольно, сами собой, как уже отмечалось выше в случае с бубном. Пригодились даже благоприобретенные знания растений, их названий на латыни. Опыт Л.П. Потапова в Узбекистане только укрепил его в вере, что этнограф должен знать язык изучаемого народа, что эрудиция этнографа должна быть максимально широкой. Во время экспедиций запись информации производилась в тетрадях, причем для удобства пользования записями заполнялась только одна, лицевая сторона страницы.

Осенью 1930 г. Л.П. Потапов был уже в Ленинграде. Вставал вопрос об аспирантуре. Он с радостью вернулся к алтайской тематике. Узбекские материалы были отложены в сторону. Только с некоторых тетрадей его супруга Э.Г. Гафферберг при помощи соседской девочки-школьницы, обладавшей хорошим

почерком, продолжала пополнять картотеку: так образовались два ящика с карточками, содержащими сведения по верованиям узбеков. В блокадные годы соседи по квартире сожгли часть книг и тетрадей. К счастью, остались ящики с картотекой и несколько тетрадей. Они продолжали храниться в домашнем архиве Л.П. Потапова. Уже в 1990-е годы он согласился передать их для публикации молодому немецкому этнографу Я. Таубе, сыну известных востоковедов М. и Э. Таубе. Профессор У. Юхансен по поручению Л.П. Потапова доставила все материалы в Германию. Молодой исследователь оперативно подготовил материалы к изданию, снабдив их короткими аннотациями, а все издание предварил вступительной статьей. В самом конце книги, по существу в качестве приложения дана запись беседы Л.П. Потапова с Э. Таубе, состоявшейся 30 августа 1993 г. на даче в Комарово, где живет Л.П. Потапов. Предисловие и материалы беседы знакомят читателя, особенно зарубежного, с фактами из жизни исследователя, с историей собирания материалов в Узбекистане и публикации этой книги, с ее структурой.

Первая часть публикации – тексты карточек в полном соответствии с рубрикацией, имевшейся у Л.П. Потапова (с. 13–141); вторая – тексты сохранившихся тетрадей – материалы экспедиций 1929 и 1930 гг. (с. 171–205). Каждая карточка имеет два номера: верхний – общий (всего 1183 номера) и нижний – особый по каждой рубрике. В публикации отсутствуют первые 18 карточек, содержавшие выписки из произведений классиков марксизма-ленинизма. Публикатором тщательно составлены различные указатели, что всегда полезно и повышает ценность издания. Им же составлен список литературы (с. 207–220). Похвальна его попытка дать не только фамилию, но и имя и отчество автора, хотя в ряде даже простых случаев это ему не удалось сделать (например, Баторов Петр Павлович, Гульбин Григорий Григорьевич, Кандинский Василий Васильевич, Поярков Федор Владимирович и др.). При подготовке текстов к публикации Я. Таубе пользовался помощью немецких коллег, а также О. Мадаева (Ташкент), В.Н. Басилова и С.Ю. Неклюдова (Москва), которых он искренне поблагодарил за содействие в работе.

В очень короткий срок Я. Таубе проделал громадную работу, подготовив тексты Л.П. Потапова к печати и издав их в авторитетной серии «Тюркологика». В год издания книги Леониду Павловичу Потапову исполнилось 90 лет. Публикация узбекских этнографических материалов, собранных в 1928–1930 гг., – подарок не только ее автору-юбиляру, но и всем, кто занимается проблемами общей, региональной среднеазиатской и тюркской этнографии.

А.М. Решетов

© 1999 г., ЭО, № 2.

А. Б. Островский. Мифология и верования нивхов. СПб., 1997. 288 с.

Рецензируемая книга посвящена памяти ученых-нивховедов – Л. Шренка, Л.Я. Штернберга, Б.О. Пилсудского и В.А. Крейновича, внесших неопределимый вклад в собираніе данных по материальной и духовной культуре нивхов – коренных жителей Амура и Сахалина. Авторское посвящение избавляет рецензента от необходимости освещения истории этнографического изучения проблемы; она достаточно подробно представлена в ссылках на литературу по всему тексту книги.

Автор обсуждаемой книги шел к конечной цели своего труда одновременно двумя путями: один из них – описание предметов культуры нивхов в коллекциях МАЭ и РЭМ, чему посвящен ряд его публикаций, в частности, на страницах «Этнографического обозрения», второй – скрупулезное изучение работ зарубежных ученых, в частности, трудов К. Леви-Стросса и других ученых, в основном представляющих этнографическую мысль Франции XX столетия.

На страницах книги в рамках предложенного подхода собственно этнографический материал – нивхские амулеты-онгоны и мифологические тексты нивхов – тесно связан с задачей «постановки вопроса о первобытном мышлении как специфическом типе мышления в истории человеческой культуры» (с. 8). В решении поставленной задачи А.Б. Островский основывается на трудах А.М. Золотарева, С.А. Токарева, А.Ф. Анисимова, Л. Леви-Брюля и других авторов, в основном тех, кто анализировал концепцию Леви-Брюля в последние десятилетия. Во введении к книге отмечается, что автор стремится извлечь из имеющейся литературы «все наиболее рациональное, в частности, бинарные оппозиции» и три устойчивых типа оперирования этими оппозициями: совмещение, перенос, введение медиаторов. Как признает